
Источник: Евгений Замятин. Избранное, М: Правда, 1989.
OCR В. Есаулов, март 2005 г.

Солнце, песок, черномазые арабы, песок, верблюды, пальмы, песок, кактусы. Где-нибудь в другом месте не арабы, а турки, и опять – солнце, верблюды, песок. Повсюду одинаково звонко, ослепительно-ярко. И вечный шелковый шум волн при переезде из порта в порт, – этим шелком закутаны глаза, уши. Под конем совсем падаешь под тяжестью впечатлений, сквозь щель все уже еле видно, еле слышно. Всякие разговоры начинаются с одного: "А вот, когда мы придем в Одессу..."

И наконец – пришли. Солнце садится, значит – опоздали: таможенный досмотр будет только завтра, а до тех пор на берег нельзя.

Полюбуйтесь-ка вот, издали. Близок локоток, а не укусишь, – подхихикивает старший механик. Борол." у него седая, длинная, как у Моисея-пророка; медленно ее поглаживает.

Шум улиц легко бежит к нам по воде. Золотеет над городом облако пыли. Вспыхнули красным верхушки наших мачт, стекла в иллюминаторах. Погасли. Темнеет.

Два белых военных судна – резкие, вырезанные и синем полотне сумерек.

- А эти военные – зачем здесь?

- Захотелось господам офицерам одесских девочек посмотреть, ну, вот и пришли... – Это опять механик: он все знает, все и всегда. Берет бинокль, смотрит: – Броненосец и миноноска, севастопольские, – говорит он.

Мы спускаемся спать в каюты. Ночь наивная, тихая, обыкновенная, еще не подозревающая, что в ее темную глубину уже брошена искра, что она вот-вот заполыхает...

Утром – чуть свет поднялась беготня на палубе, гвалт: таможенные пришли. С какими-то крючьями, как черти в аду, копаются. Обыкновенный, пыльный, нотный плетется день. За обедом все торопятся: поскорей бы кончить – ив город. На берегу успел побывать только седобородый механик: везде у него приятельства и знакомства, он исхитрился выбраться с утра, еще до таможенных. Теперь сидел и рассказывал всякие новости, были и небылицы.

- Хе... Торчите вы тут и ничего не знаете! А там дела, там дела! Какие? А такие, что на броненосце на этом всех офицеров повыкидали за борт. Лейтенантик матроса у них ухлопал, ну и пошло писать... Думаете – вру? Да подите вы к черту!

За столом улыбались: знали, любит старик удивить. Ну, пускай, пускай потешится...

После обеда поймал меня Григорий Васильич, машинист, заташил к себе в каюту, прикрыл дверь. На правой руке не было у него двух пальцев, всегда прятал руку, а сейчас забыл все: говорил, размахивал рукою, мелькали перед глазами култышки.

- Слушайте: о н на Номом молу лежит. Факт. И народу туда идет – тьма тьмушая. Такое начинается, что я и не знаю... Слушайте, пойдете, а?

Григорий Васильич – человек положительный. Значит, и правда – что-нибудь... Весело-тревожно начинает биться сердце.

Мы быстро идем по берегу по-над морем. Солнце на небе ярко празднует, ветер стих, на море взглянул, нельзя – ослепнешь.

Переходим какие-то пути, спотыкаемся, свертываем по серой улице пакгаузов – и вдруг попадаем неожиданно в поток людей, спускающихся сверху из города в порт. Что-то похожее на крестный ход: так много, такие разные. Панамы, босоногие ребятишки, солдаты, перчатки, шелковые зонтики, опорки, воротнички...

Идем. Чей-то голос сзади – неуклюжий и медлительный:

- Воны, черноморьци, давишь говорыли, что к нам прыйдуть. Вот и прыйшли.

Я обернулся: рябой солдатик поучал своего товарища.

- А офицеров воны и не побили вовсе, тильки заперли. Я ж знаю. Я...

И нету: пропал в толпе. Мимо – уж новые: студент и девица. Девица прижималась к студенту и, должно быть, вздрагивала.

- "Потемкин", – говорил студент, – самый новый броненосец. Понимаешь,